

Анна Денира

**МОЙ ИНФАНТИЛЬНЫЙ
СУПРУГ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Д33

Д33 **Денира А.**
Мой инфантильный супруг / Анна Денира – М.: Литнет, 2025. – 158 с.

ISBN 978-5-521-94714-0

В нашей сельской глухомани, чем раньше ты выйдешь замуж, тем лучше. А, если того требует щекотливая ситуация, то медлить и вовсе чревато последствиями. И кто же станет моим мужем? Высокий мускулистый воин с сильными руками, прожигающим взглядом и очаровывающим басом? Нет-нет, у нас таких в деревне не водится. Зато есть набор пьяниц, картежников и один чудак. Невелик выбор, но обстоятельства давят, а время поджигает. Придется на окраине родной деревушки с таинственным «дурачком» пожить, кем бы он там на самом деле ни оказался...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94714-0

© Литнет, 2025
© А. Денира, 2025

Глава 1

Небольшой дворик был обнесен прочным деревянным забором, верхушка которого едва доставала до груди стоящего в полный рост человека. На одной из досок уже неделю, словно флаг, развивалась ткань от рубахи неудачного воришки, решившего посягнуть на соседские яблоки. Сами деревья, стоит заметить, росли позади одноэтажного аккуратного домика, в окнах которого трепыхались белоснежные выстиранные в реке занавески. Под створками, украшенными незатейливой резьбой местного мастера, цвели пышные пионы, распространяя на весь дворик чудесный аромат, к которому примешивался запах пекущихся в доме пирогов и дым, идущий с лугов, где в очередной раз что-то жгли. Рядом с цветами уже как месяц покоилась сломанная тележка из кузницы, и опорой ей, вместо небольшого колесика, служил камень, который дети успели разрисовать мелом. Крепкий стол с двумя скамейками стоял аккуратно у забора в тени старой яблони, плоды которой постоянно падали на голову тем, кто решался отужинать на улице. В этом месте мы проводили большую часть вечеров, что были в деревушке очень шумными.

Селение наше издавна кличут Дасинкой, а откуда название такое причудливое пошло, уж и не помнит никто. Живет в Дасинке человек пятьдесят, что знают друг друга в лицо, оттого и дружат. Да и земли у нас такие плодородные, что сами эльфы позавидуют, поэтому каждый житель, пахущий утром на огороде, всегда со своим урожаем. Часть, правда, ежегодно должно в столицу направлять, как налог. Раз в сезон к нам и рыцари королевские наведываются, одним словом, живем мы не скучно. Точнее, у нас времени на скуку нет. Животины сами себя не покормят, огороды сами за собой ухаживать не будут, а ежели еще и жизнь семейная, то работать без продыху весь день приходится. Поэтому вечерами Дасинка

становится очень шумной – отдыхает люд деревенский, на солнце обгоревший.

Кличут меня Ани. Не люблю я свое полное имя – Аниселия. Мне его и дали-то случайно, когда бабуля из соседней комнатухи чихнула не вовремя. Папаня мой – ярый приверженец сельских традиций – около получаса бродил по избушке, швыряя по углам книжку с именами, а та все время захлопывалась в полете. Маманя меня Алей кликать хотела, но потом соседка свою дитятку также назвала, и её фантазия на этом исчерпалась. Когда 16 зим миновало, родители мои в другую деревеньку перебрались, оставив мне тут избушку, большой огород, да коровку по кличке Пани, поэтому в свои девятнадцать годков я невестой считаюсь богатой. Пора бы и мужаткой¹ становиться, да ведь не за кого выходить. Повадился тут, правда, один. Из рыцарей, не пальцем деланный. Да не люб он мне, под каждую юбку пока не заглянет – не утомонится. Да и ежели замуж за него, то в городок перебираться придется, а деревенские свои хозяйства на произвол судьбы не бросают. Не любим мы высшие сословия, а они нас не чествуют, уж дюже ценности разные. Куда я только рыцаря того ни посылала, а он все назад возвращається, и так ехидно улыбается, что хочется тяпкой ему по башке дать. Еще бы не улыбался: если рыцарь простолюдинку замуж зовет, она ему не должна отказывать. У нас рыцари эти самой церковью благословлены. И что делать-то теперь, ума не приложу.

– А вот и пироги! – дверца домишка распахнулась, и на пороге показалась пухлая женщина, несшая в руках поднос. На нем, испуская аромат, от которого желудок довольно заурчал и свернулся в комок, лежали горячие пирожки. Рядом с ней носилось трое детишек, чьи босые пятки уже выглядели черными. – Налетаем, курочки мои, тут и с капустой, и с яблочком, – женщина поставила поднос на стол, на котором уже стоял блестящий красивый самовар.

¹ Мужатка – женщина замужняя.

Наши поседелки всегда проходили вчетвером, и давно стали чем-то обычным. Пили чай, ели сладости, да перемалывали сплетни и жалобы на тяжбы с хозяйством. Хозяйку этого дома Вешкой звали, она была всего на пять годков меня старше, но уже имела мужа, что еще и оборотнем оказался, двух пацанов, на рожу одинаковых, да девчонку-непоседу. Из-за родов она сильно пополнила, но прыти не потеряла. Пока её муж в кузнице трудился, за её плечами не только дом с огородом были, но и скот, в котором и коровки, и бычки, и овечки паслись. Вешка очень любила самовары и вечерние чаепития, а потому мы всегда собирались у неё дома.

– Ани, надумала, шо с этим женонеистовым¹ делать? – закинув в чашку ложку сахара, который слипся в один комок, так как детишки Вешки до этого макали в него клубнику, я отхлебнула крепкого чая. Слишком горячий.

Голос принадлежал Феноиле. Она у нас в деревне путешественницей значилась. А все потому, что когда-то ушла из этой деревушки за вампиром, в которого влюбилась. Забрюхатилась и потом сбежала, узнав, что для вампира подобная связь – это позор. Тут ужо родила девочку, а та вампиршей оказалась, но другие детки с ней играют, не боятся.

– Мы тебя в город не пустим, ягодка, не чай себе другую ищет, что будет его выходки прощать. Они поди думают, шо мы тут в деревне все баламошки² такие, шо за рыцаря сразу побежим. А вот им! – Вешка устрашающе скрючила фигу.

– Нечего там в городе делать, жители там один хуже другого, – я посмотрела на Гесту. К её мнению уж точно стоило прислушиваться, она единственная из нашей деревни, кто в городе жил. – Я когда за пекаря вышла, думала, что заживу, буду хлеба печь. А он в свет меня выпихнул, сказал, шо мое дело – это дети,

¹ Женонеистовый – похотливый.

² Баламошка – дурачок.

а не огороды. Я давай ему помогать, а он меня с кухни гонит. Перед графинями этими прямо растекался по полу. А я ж без работы не могу, и смотреть на его рожу лицемерную тоже не могла. Рада, что хоть развелись без проблем.

Я укусила горячий пирожок. С яблоком. Все-таки повезло мужу Вешки, вон какую вкусноту делает.

– Ты, Ани не заморачивайся. Вон яка красавица у нас, одна не останешься, – Феноила помахала рукой на обожженный чаем язык. – Волосы чернящие, глаза зеленющие, смуглая – любой графине фору дашь. Они пусть сами в корсетах своих задыхаются и нашатырь хлебают.

– Нашатырь не пьют, – Геста покрутила винтик самовара – из позолоченного краника потек кипяток.

– Не слушай их, Ани, вон, помните Иту? Тоже ходила распрекрасная, мужики шеи сворачивали. И шо? Так и проходила. Дюже долго выбирала, а в итоге осталась старой девой и ушла в монастырь, – у Вешки на все случаи жизни были подходящие правдивые истории. От неё ни одна сплетня не уходила.

– Так-то оно так, – я задумчиво проводила взглядом смеющихся детей, дерущихся на палках, – и без мужа тяготно. Одной огород тяжело вести... Да за кого же тогда? Нормальных мужиков разобрали давно, остались только пьянчуги да картежники. Какие ж дети будут?

– И то верно... – Геста небрежно смахнула кошку, что прыгнула прямиком на стол полакомиться пирогами. Кошки, жившие у Вешки, ели почти все.

– А Гога – козлодер¹? – Феноила пожала плечами.

– Только и умеет, что песни орать, – я покачала головой.

– А если Накин?

– Так он спился совсем. Я только и вижу, как он то в кустах, то в навозной куче валяется.

¹ Козлодер – плохой певчий с противным голосом.

– Жаль. Хорош был чертяка...

– Говорю, шо не за кого, – я облокотила щеку на согнутую руку. Все это начинало раздражать. Вот бы тоже за кузнеца замуж выйти... Они сильные, без работы никогда не остаются.

– А тот, – Вешка шлепнула Феноилу по руке так сильно, что та выронила пирог, – ну-ну, поняли?

– Нет, – Геста вновь спихнула кошку.

– Да этот же, ну, Ани, помнишь? На окраине живет почти, ну, придурковатый такой...

– А, странька¹ тот, – Феноила вытерла руки о передник, забирая несколько пирожков к себе домой, чтобы угостить дочку. – Чудной такой... Хотя, знаешь, Ани, развестись всегда можно. Это уж лучше, чем женонеистовый рыцарь!

Я мельком взглянула на Гесту. Та утвердительно кивнула. Так-то оно верно, но местный странька в качестве мужа меня не очень прельщал. Такой хрупкий и лицо смазливое... Он пришел в Дасинку года три назад, чем уже привлек к себе внимание – к нам в деревню никто просто так не переезжает. Туточки родился, на огороде поработал, дите родил, туточки и умер. Тихо, мирно, без проблем. Всем ж тогда и любопытно стало. А он приветливый такой, я его никогда без улыбки не видала. Вешка сказала, кто лыбится постоянно – тот точно придурковатый али больной. Работа у этого страньки тоже не ладилась: ничего на огороде у него не росло. Всей деревней ему на еду давали, чтобы с голоду не подох. Феноила его себе сначала хотела забрать. Мужик же все-таки и ведет себя аки аристократ. Но тот женщин стеснялся, сидел то цветы нюхал, то с животинами игрался. А животные его любили, вот тут уж нечего сказать. Геста сказала, что они в нем своего чувствуют. Вот и стал он пастухом здешним.

¹ Стань – чужой человек (странька – некое прозвище, в основе которого лежит слово «стань»).

Мы с ним толком и не говорили никогда. Утром я ему коровку свою отдам на выгул, он мне улыбнется, я ему нет, вот и весь разговор. А теперь я его жениться должна позвать. Он добряк наивный, конечно, авось поведется, ежели ему о тяжелой предстоящей судьбине рассказать, да согласится ли?

– Что, ведьмы, опять на шабаш собрались? Не знаю, что тут за кипиш, но напряжение одним местом прям чувствую, – Вешка хлестанула тряпкой подошедшего мужа. Это был крепкий двухметровый мужчина с жесткой щетиной и шрамом, рассекающим левый глаз. Он мне всегда помогал, был мастером на все руки. Вот Вешке повезло. Обращался он в льва здорового, да только не в зверюгу, как думалось. И морда у него львиная становилась, и грива такая до поясницы, и шерстью покрывался, а тело все-равно человеческим выглядело, да и ходил только на двух лапах. Чудно выглядело. А Вешка, когда первый раз увидала, чуть в обморок не хлопнулась.

– Ани мужика ищем!

– Ооо, – оборотень задумчиво покивал головой, подбрасывая себе на плечо дочку, – её нужно к принцу нашему. Тот, по слухам, настоящий балованный засранец. А Ани ему хворостиной по жопе НА!

Я громко рассмеялась. Вешка сунула нам в дорогу оставшиеся пироги, сняв с забора ржавеющий фонарик и сунув в него горящую спичку. Вокруг огонька тут же начали собираться мотыльки.

– Приходите завтра, я печенье делать буду.

– Ежели дождя не будет, – Геста отряхнула на себе старенькое платье.

– А ты Ани все же кликани завтра страньку, авось уберешь с его лица лыбу хоть на секунду.

Глава 2

Утро в Дасинке начинается рано. Едва первые лучи коснутся верхушки золотых колосков, деревня наполняется громкими криками петухов, ударами коромысел о деревянные ведра да громаханием повозок, отправляющихся в ближайший городок на продажу. Сперва тяжело ни свет, ни заря вскакивать, да потом помаленьку привыкаешь.

Выскочив на крылечко в одной длинной бесформенной ночнушке, я широко зевнула, потянувшись вверх за сцепленными руками. Чистый прохладный ветерок коснулся спутанных черных волос и босых ступней, о которые уже терлась соседская кошка, повадившаяся приходить ко мне за лакомствами. Ступеньки крыльца противно заскрипели, стоило мне спуститься вниз к большому бочонку с холодной водицей. Не было в доме мужика, а вечно просить Вешкиного кузнеца чинить разваливающийся домишко, совесть не позволяла. Порою, я и сама за молоток бралась. Да вот только полку прибить – это не крыльцо починить. Умыв лицо, я окинула взглядом свою избу, уперев руки в бока. Пускай и наследство родительское, но старо как этот мир. Дворик у меня, хотя и маленький, но аккуратный, забором с редкими досками обнесен, дорожка из камушков к дверце проложена. Домишко выглядит прилично, да вот дверца то и дело соскакивает, створки окошек отваливаются, все скрипит, и чувствуется мне, что наследие-то мне на голову когда-нибудь свалится. С избой рядом хлев есть, там Пани моя живет. Хлев маленький, на одну коровку рассчитанный, но протекает постоянно, сколько б я там крышу ни чинила. Пани у меня красавица: сама беленькая, коричневыми пятнышками усыпана, маленькая такая, а молока выдает столько, что в нем купаться можно.

Заскочив в дом, я села на табурет перед зеркалом в старой раме, взяв в руки деревянный гребешок. Волосы у меня длинные и чер-

нющие, как смоль. Отрезать я их когда-то хотела, да матушка меня знатно тогда поругала, сказала мне, что волосы – то красота женская, не гоже их по плечи обрубать. Скинув ночнушку сероватую, я надела новенькое платьице темно-зеленушного цвета, повозившись с шнуровкой. Не рассчитала я, когда платье шила, что грудь моя такая пышная. Геста говаривала, что дамы из городов себе под платье кучу всего пододевают. Так ведь жарко же да и неудобно на огороде, как капуста, носиться. Заплела волосы в тугую косу, повязала косынку, повозившись с сережками круглыми, от матушки доставшимися, да вернулась во двор, кинув кошке кусочек рыбки.

Кур у меня не было, их всех хорь в прошлом году загрыз, а новых завести я не сподобилась: тот сарайчик небольшой, в котором они яички несли, совсем развалился. Потому я прямиком пошла к хлеву, в котором уже мычала моя Пани. Та приветливо лизнула меня по руке своим языком шершавым, послушно идя за мной к середине двора. После утренней дойки, я отдавала её страньке нашему, что по утрам собирал скот на выпас, тут-то и вспомнился мне разговор вчерашний. Подставив под вымя ведро да кинув коровке охапку собранного клевера, я надавила на один из коровьих сосков, направляя струю молока прямо в посудину.

Вешка и Феноила частенько меня ругали за то, что я всегда все в лицо говорю, без утаек. Я и сейчас страньке хотела все в рожу сразу выдать. Так ведь проще, чем ходить вокруг да около, как пьянчуги без грошей у тележки с выпивкой. Расскажу ему о ситуации да помощи попрошу. Имя вот только его подзабылось. Все странька, да странька, а как кликать его и не помню, вот дела. Набрав ведро молока, я похлопала Пани по боку, унося посудину в дом. Буду из этого молока творог делать. Вынула из кожаного мешочка одну монетку медную да вернулась во двор, повязав попутно коровке веревку с колокольчиком. Я перегнулась через забор, вдыхаясь на главную дорогу деревенскую, по которой вдалеке уже брело небольшое стадо. Странька всегда останавливался у каждого